

Н. М. ЩЕРБАНОВ
Москва

В. Г. КОРОЛЕНКО И ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И. И. ЖЕЛЕЗНОВА

О В. Г. Короленко и его отношении к устному народному творчеству имеется большая литература¹. В ряде работ указывается на то внимание, с которым В. Г. Короленко относился к уральскому казачьему фольклору, записанному И. И. Железновым (1824—1863), известным фольклористом, этнографом и писателем. Так, З. И. Власова в статье «Фольклорные записи В. Г. Короленко» отмечает интерес писателя к «Преданиям и песням уральских казаков» И. И. Железнова, опубликованным в журнале «Русский вестник» (1859, кн. 7 и 8)². Н. Г. Евстратов в книге «В. Г. Короленко в Уральске» цитирует выборки писателя из «Преданий о Пугачеве» Железнова³. Вместе с тем учеными совершенно не исследована проблема влияния на творчество Короленко сочинений и фольклорно-этнографического наследия Железнова. Однако рассмотрение этой проблемы позволит нам уяснить некоторые особенности творческой манеры Короленко, а также цели и формы использования сюжетов, мотивов и образности казачьего фольклора в его произведениях.

Трудами Железнова Короленко заинтересовался летом 1900 года, когда находился в Уральске и собирал материалы о Пугачевском движении. В записных книжках и тетрадях Короленко сохранились многочисленные записи уральских песен, преданий, легенд, этнографических заметок, взятых из сочинений Железнова, а также из его архива, хранившегося в войсковом хозяйственном правлении. Они частично напечатаны⁴. Однако большая их

¹ И. Г. Парплов. Фольклор в сибирских произведениях В. Г. Короленко. — «Уч. зап. Новосибирск. пед. ин-та». Вып. 7, 1948; А. И. Малютина. Короленко и народное творчество. — «Сибирские огни», 1953, № 4; Е. К. Миксон. Короленко и народное творчество. Автореф. канд. дис. Харьков, 1954; З. И. Власова. Фольклорные записи В. Г. Короленко. — В кн.: Русский фольклор, т. 2. М.—Л., 1957; В. К. Архангельская. Фольклор в волжских рассказах В. Г. Короленко. — В кн.: Русский фольклор, т. 7, 1962; З. И. Власова. Фольклорно-этнографические интересы В. Г. Короленко 1880—1890 годов. Автореф. канд. дис. Л., 1963.

² З. И. Власова. Фольклорные записи В. Г. Короленко, с. 187—188.

³ Н. Г. Евстратов. В. Г. Короленко в Уральске. Алма-Ата, 1961, с. 50.

⁴ См.: В. Г. Короленко. Записные книжки (1880—1900). М., 1935.

часть осталась неопубликованной. Это, в основном, фольклорные произведения, которые из-за цензурных запретов не вошли ни в одно издание сочинений Железнова⁵. Так как архив Железнова утерян, сделанные оттуда Короленко выписки имеют значение первоисточника.

Собранные Железновым фольклорные материалы, как свидетельствуют пометы и примечания к ним, Короленко творчески использовал в очерках «У казаков» и «Пугачевская легенда на Урале», а также в сохранившихся картинах и фрагментах ненаписанного исторического романа «Набеглый царь». Творчество Железнова являлось для Короленко одним из главных источников в познании своеобразнейшего бытового уклада и устного творчества уральского казачества.

На Урале он не раз имел случай убедиться в необыкновенной популярности Железнова и его произведений среди казаков. Уральские записные книжки писателя буквально пестрят ссылками на Железнова. Так, например, на вопрос Короленко о приключениях старинного уральского удалца Василия Струняшева 89-летний казак А. И. Хохлачев из поселка Требухи заметил: «Об нем, мотри, у Железнова сочинение есть. Иной весь век проживет, ничего не видя, а он не такой. Во свою жизнь чего не перевидал»⁶. В ряде произведений Короленко дана характеристика Железнова, полная симпатии к этому талантливому писателю и сочувствия к его творческой судьбе. На основе биографических данных, отдельных отрывочных воспоминаний, глубокого проникновения в творчество Железнова Короленко удалось создать его живой, цельный литературный портрет. В очерках «У казаков» Короленко характеризует Железнова как «выдающегося уральского исследователя и знатока старины»⁷. «Фигура этого уральского писателя, — замечает он далее, — чрезвычайно колоритная... Это был патриот, романтик, страстно преданный казачьей родине, любивший до самозабвения ее боевое прошлое, ее предания, обычаи, песни, все особенности ее устоявшегося быта»⁸.

Здесь же Короленко рассматривает мировоззрение Железнова в связи с распрями между уральскими и илецкими казаками, происходившими в начале 60-х годов XIX века. В то время в Уральском казачьем войске были предприняты некоторые экономические и хозяйственные изменения, ухудшавшие имущественное положение рядовых казаков. Железнов активно защищал их интересы и выступал против злоупотреблений и произвола наказного атамана В. Д. Дандевиля, но делал это, по мнению Короленко,

⁵ В настоящее время они находятся на хранении в отделе рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 11, ед. хр. 628; п. 12, ед. хр. 650, 651.

⁶ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 9, ед. хр. 498, л. 1.

⁷ В. Г. Короленко. У казаков. — Полн. собр. соч. В 6 т. Т. 6. Спб., 1914, с. 154. Далее — У казаков.

⁸ Там же, с. 229.

со всей страстностью «любого заурядного общинника»⁹. Осуждая Железнова за «общинный эгоизм», за нежелание понять нужды соседних илецких казаков и казахов, Короленко вместе с тем сочувственно пишет о его борьбе против «атаманских просектов». «Он, — отмечает Короленко, — внес в эту борьбу, наряду с исключительностью своего местного патриотизма, много таланта, одушевления, самоотвержения, тогда как на другой стороне была бюрократическая рутинная и старые привычки произвола». Репрессивные меры, аресты казачьих депутатов властями встревожили казаков, и это «придало дальнейшей борьбе Железнова с Дандевилем характер защиты против произвола и беззакония»¹⁰.

О дальнейшей судьбе Железнова Короленко пишет так: «Железнов испортил свою карьеру, а впоследствии, по каким-то придирикам был даже отдан под следствие, что уже не делало чести его противникам... все это сильно расшатало его здоровье и, может быть, сократило даже его жизнь»¹¹. Действительно, Железнов был обвинен властями как подстрекатель и зачинщик неповиновения казаков. Не выдержав преследований и травли, он застрелился 22 июня 1863 г. Его смерть произвела сильное впечатление на казаков. Дандевиль отдал приказание похоронить Железнова возможно скорее, опасаясь массовых выступлений казачества. Напуганный атаман срочно доносил оренбургскому генерал-губернатору А. П. Безаку, что «глава оппозиции застрелился, и можно ждать волнения среди казаков»¹².

В очерках Короленко «У казаков» и «Пугачевская легенда на Урале», насыщенных фольклорными материалами, историческими экскурсами и публицистическими рассуждениями, без сомнения, заметно влияние таких произведений Железнова, как «Картины казацкой жизни», «Путевые заметки по Уралу» и особенно его фольклорных записей. Короленко писал Н. Ф. Анненскому 26 октября 1900 года, что «Пугачевская легенда на Урале» «составляет лучшую и самую интересную главу из написанного до сих пор»¹³. Материалом для нее послужили отчасти печатные работы казака Железнова, отчасти же собранные мною от старых казаков предания и частично — войсковой архив»¹⁴.

Что же привлекло Короленко в «печатных работах» и фольклорных материалах Железнова? Уральские произведения Короленко убеждают нас в том, что писателя интересовали в основном

⁹ В. Г. Короленко. У казаков, с. 229.

¹⁰ Там же, с. 231.

¹¹ Там же.

¹² См.: Н. А. Бородин. И. И. Железнов. Очерк жизни и произведений. Спб., 1910, с. 63.

¹³ «Пугачевская легенда на Урале» написана осенью 1900 года и по первоначальному плану должна была идти четвертой главой очерков «У казаков». Когда эти очерки были приготовлены к печати в журнале «Русское богатство» (вышли в 1901 году в 10—12 кн.), Короленко изъял из них «Пугачевскую легенду...», возможно, предполагая использовать ее в романе «Набеглый царь».

¹⁴ В. Г. Короленко. Собр. соч. В 10 т. Т. 10. М., 1956, с. 319.

те же вопросы, которые когда-то волновали и Железнова. Это вполне естественно, так как предмет исследования у них был один и тот же: история и современная жизнь уральской казачьей общины. Их взгляды на общину во многом совпадают. В своих публицистических произведениях 50—60-х годов XIX века Железнов отмечал глубокое социальное расслоение казаков. В статье «Что такое казачий офицер?»¹⁵ Железнов писал о том, что между имущими и неимущими слоями казачества «лежит ничем ненаполнимая пропасть», что, «начисто оторвавшись от народа, казачье офицерство очень хорошо уразумело истинное свое призвание и назначение — артистически научилось всем приемам, как крепче и ловче держать народ в «ежовых рукавицах», чтоб он «с жиру не баловался», что не оно для народа, а народ для него существует»¹⁶.

Железнов делает вывод, что старая казачья община в том виде, в каком она существовала до XVIII века, разрушена и «в теперешнем положении уподобляется казармам в огромных размерах»¹⁷. Более того, казачья община — это «отравленный костюдой организм, а «отрава или ртуть» — это современное офицерство вообще и дворянство в особенности»¹⁸. В рецензии на книгу Н. Я. Данилевского «Исследование о состоянии рыболовства в России», где описывается уральское рыболовство, Железнов выступает защитником беднейшей части казачества, говорит о злоупотреблениях, чинимых офицерами на рыболовстве, «когда распорядитель рыболовства из своекорыстных видов даст богатому казаку хороший участок в море, где можно наловить тысячи севрюг, а бедняка загонит туда, где водятся одни только раки да лягушки»¹⁹.

Короленко в очерках «У казаков» также отмечает социально-имущественное неравенство, резкое расслоение, эксплуатацию бедноты. Из наблюдений над жизнью казаков писатель делает вывод: «Нигде, быть может, проблема богатства и бедности не ставилась так резко и так остро, как в этих степях, где бедность и богатство не раз поднимались друг на друга «вооруженной рукой». И нигде она не сохранилась в таких застывших, неизменных формах. Исстари в этой немежеванной степи лежат рядом «вольное» богатство, почти без всяких обязанностей, и «вольная» бедность, несущая все тягости»²⁰. Наблюдая современную ему

¹⁵ Статья была запрещена цензурой, а на Железнова обратили внимание как на человека, нуждающегося в «надзоре»; на рукописи цензор Штюмер написал: «По правилам военной цензуры напечатание этой рукописи не допускается». См.: Н. Ф. Савичев. Жизнь И. И. Железнова. — «Уральские войсковые ведомости», 1870, № 27. Впервые была напечатана в посмертном собрании сочинений Железнова: Уральцы. Очерки быта уральских казаков (1888).

¹⁶ И. И. Железнов. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Собр. соч. В 3 т. Т. 1. СПб, 1910, с. 282. Далее — Уральцы.

¹⁷ Там же, с. 298.

¹⁸ Там же, с. 316.

¹⁹ Там же, с. 431.

²⁰ В. Г. Короленко. У казаков, с. 133—134.

казачью жизнь, Короленко чутко улавливал в ней отголоски острых социальных конфликтов в прошлом. Преимущественным объектом изучения писателя «было живое прошлое залитого кровью Урала, строптивая и непокорная старина «сурьезного» войска, боровшегося целые века за свое исключительно местное значение, за степную волю против дисциплины и регулярства»²¹. В связи с этим Короленко обращается к фольклорному архиву Железнова и выписывает из него предания, в которых отразились многочисленные выступления и бунты казачества против царского правительства и его ставленников — губернатора, атамана и казачьих старшин: «Туча каменная», «Кочкин пир», «Об уходцах», «Начало волнения» и др.²²

Короленко обращается к этим материалам как к историческому источнику при написании очерков «У казаков». Прошлое и настоящее уральской земли осмысливаются писателем в их исторической преемственности. Так, рассказы о последних волнениях казаков в конце XIX века, слышанные Короленко на Урале в 1900 году, ассоциируются у него с преданием «Кочкин пир» — о восстании казаков в 1803 году. «У Иоасафа Игнатьевича Железнова, уральского бытописателя и историка, — пишет он, — есть колоритный рассказ старого казака о князе Волконском, оренбургском губернаторе в начале XIX века»²³. В этом предании, записанном Железновым от Петра Ивановича Ключенкова и пересказанном Короленко в 4-й главе очерков, воспроизведена борьба казаков против «штатов» 1803 года, т. е. нового положения, значительно ограничивающего казачьи привилегии. Казаки во главе с Ефимом Павловым отказались принять новую форму одежды и «чередовую», или очередную, службу; они видели в этом первый шаг к «регулярщине» — переводу на общее положение регулярного войска. Волконский приказал майору Кочкину расправиться с непокорными казаками, поэтому «и побоище названо в насмешку: Кочкин пир»²⁴.

Особенно страшной рисуется картина расправы над безоружными казаками в варианте предания, который сохранился в архиве Короленко. «Иных так угостили, — говорится в нем, — что не в состоянии были дойти до дома. Приезжали на санях жены, или родственники, как белуг, увозили домой. Потом следствие и суд. Били кнутом и ссылали»²⁵. По преданию, Ефим Павлов «заткнул уши, когда читали приговор, и за то рвали ноздри»²⁶. В пересказе Короленко этот отрывок выглядит несколько иначе: «По команде солдаты и башкиры кинулись бить всех не разбирая. Били усердно. После побоища осталась куча избитых и изувечен-

²¹ В. Г. Короленко. У казаков, с. 244.

²² Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 12, ед. хр. 650, 651.

²³ В. Г. Короленко. У казаков, с. 161.

²⁴ И. И. Железнов. Уральцы, с. 376.

²⁵ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 12, ед. хр. 651, л. 18.

²⁶ Там же, л. 13.

ных тел, но никто не оказал сопротивления. Потом жены приезжали на санях (дело было в ноябре), сваливали на них мужей, как колоды, и увозили в город»²⁷. Как видим, текст предания, художественно переосмысленный писателем, стал более ярким, но в то же время он утратил черты местного уральского колорита. Сравнение избитых казаков с белугами было в устах казака-рыбака более естественным и привычным. Короленко, вероятно, показалось, что это сравнение будет непонятно для массового читателя. Дух непокорности казаков, отразившийся в предании «Кочкин пир», особенно ярко, по мнению Короленко, проявился вспышкой очередной борьбы с «регулярством» в 1874 году, когда казаки отказались принять новое положение о военной службе. «И опять, — пишет Короленко, — повторились сцены «Кочкина пира». Непокорных казаков высылали к Аму-Дарье, на Аральское море»²⁸. Как видим, в фольклорном наследии Железнова Короленко привлекали те народные предания, в которых заострены социальные конфликты.

Особое значение в творческих замыслах Короленко сыграли «Предания о Пугачеве» Железнова, судьба которых весьма показательна. Они записаны собирателем от ближайших родственников повстанцев, что придает им повышенную ценность. Железнов очень дорожил этими материалами, но так и не смог их опубликовать: рассказы о Пугачеве как защитнике социальных интересов народа были запрещены цензурой и возвращены автору «без одобрения». Железнов считал, что «сочинение» этих рассказов принадлежит самому Пугачеву или его «сугласникам»²⁹ (соратникам), а их широкое распространение объяснял тем, что народ «верил им, как и теперь верит»³⁰. В записной книжке (1898—1900) имеются обширные выписки из «Преданий о Пугачеве» с пометами и замечаниями Короленко³¹.

В записных книжках Короленко содержатся также интересные факты, связанные с историей создания очерков «У казаков» и «Пугачевской легенды на Урале» и особенно романа «Набеглый царь». Характерно, что Короленко не ограничивался изучением эпохи и личности Пугачева по печатным и архивным источникам. Он считал необходимым обратиться к самому народу, к его памяти — преданиям, легендам, песням.

Народное устное творчество, долгие десятилетия противостоящее официальной идеологии, сохранило живой облик вождя крестьянских и казацких масс. Короленко отдавал предпочтение народным повествованиям, записанным Железновым и им самим, перед реакционной историографией. «Интересно, — писал он, — что в то время, как «печатный» исторический Пугачев до сих пор

²⁷ В. Г. Короленко. У казаков, с. 162.

²⁸ Там же, с. 165.

²⁹ И. И. Железнов. Уральцы, с. 219.

³⁰ Там же.

³¹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 11, ед. хр. 618, л. 53—56.

остается человеком «без лица», Пугачев легенды — лицо живое, с чертами необыкновенно яркими и прямо-таки реальными, образ цельный, наделенный и недостатками человека и полумифическим величием «царя»³².

Мысль, что Пугачев и есть Петр III, в большинстве казачьих преданий и легенд не подлежит никакому сомнению. Она неизменно проводится в устных повествованиях, рассказывающих о первом появлении Пугачева на Яике, в картинах восстания и казни его предводителя. В записях Железнова Пугачев выступает как «мужественный и величавый царь»³³. Казаки постоянно уверяли собирателя: «По-нашему, он был не Пугач, а настоящий Петр Федорович»³⁴.

Короленко, спустя почти столетия, вынес те же впечатления о вожде восстания, что и Железнов. «Убеждение в том, — писал он, — что пришлец, поднявший роковую бурю в 1773 году, был настоящий Петр Федорович, держится на Урале не только в простом рядовом казачестве»³⁵. Короленко, как и Железнов, обратил внимание на интересную особенность уральских преданий, в содержании которых «к историческому интересу примешивается семейная традиция»³⁶. В «Пугачевской легенде на Урале» он отмечает: «Престарелый казак Требухинской станицы Ананий Иванович Хохлачев, с глубоким убеждением подтверждая мне все записанное от разных лиц Железновым, прибавил к этому еще несколько эпизодов, слышанных, по его словам, от самих участников или от ближайших родственников»³⁷. Здесь же Короленко описывает свою встречу с Натерием Фелисатовичем Кузнецовым, внуком Никифора Петровича Кузнецова³⁸, от которого в 1858 году Железнов записал предание о женитьбе Пугачева на Устинье Кузнецовой. Натерий Кузнецов явился, по выражению Короленко, «живым преемником этого предания»³⁹. Подтвердив достоверность записанного Железновым предания, Н. Ф. Кузнецов, однако, отказался сообщить Короленко что-либо по этому поводу, потому что это, по его мнению, «есть речи политические», за которые его уже «трясли».

В «Пугачевской легенде на Урале» Короленко, основываясь на фольклорных записях Железнова, изложил основные мотивы казачьих преданий о Пугачеве. В казачьих повествованиях намечаются две сюжетные линии. Одна связана с Пугачевым — реальным человеком, руководителем восстания, и вторая — с Пугаче-

³² В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 10, с. 319.

³³ И. И. Железнов. Уральцы, с. 144.

³⁴ Там же, с. 168.

³⁵ В. Г. Короленко. Пугачевская легенда на Урале.—Собр. соч., т. 8, с. 435.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 442.

³⁸ Родной племянник второй жены Пугачева Устиньи Петровны Кузнецовой.

³⁹ В. Г. Короленко. Пугачевская легенда на Урале, с. 433.

вым — царем Петром Федоровичем. Первая линия представлена очень скупо, но чрезвычайно правдиво и исторически достоверно, вторая — очень красочно, ярко и разнообразно. Порой обе сюжетные линии так тесно переплетаются между собой, что очень трудно различить их. Короленко привлекает в преданиях обстоятельно разработанное жизнеописание Пугачева — царя Петра III, и в особенности то, что эта биография «царя» дается «в чисто народном духе»⁴⁰.

Особый интерес представляют выписки Короленко из произведений и фольклорных материалов Железнова, предназначенные для романа «Набеглый царь». В записных книжках, тетрадях и письмах Короленко сохранились отдельные главы, написанные вчерне, картины и фрагменты, возникшие в разное время в воображении писателя. Несмотря на фрагментарность, этот материал дает представление о широте замысла. Это должно было быть большое историческое полотно, посвященное Пугачевскому восстанию, с героем-интеллигентом офицером Скаловским, воспитанным на идеях Просвещения XVIII века. По замыслу писателя, Скаловский должен был примкнуть к восстанию. Причины того, что роман все же не написан, в литературе о Короленко объясняются по-разному. Большинство исследователей считает, что работа над романом оборвалась в связи с замыслом большого автобиографического произведения «История моего современника»⁴¹. Н. К. Пиксанов утверждал: «Романа Короленко не написал, да и не мог, очевидно, написать по особенностям своего дарования»⁴². По мнению ученого, уделом Короленко были, в основном, «малые эпические формы»⁴³. Конечно, все это имело существенное значение. Но главная причина заключалась в другом. Вероятнее всего, замысел романа оказался неосуществленным в силу того, что для большой исторической эпопеи, охватывающей широкие картины народного движения на огромном пространстве, у писателя не хватало материала. Совершенно справедливо мнение литературоведа Н. Г. Евстратова: «И как ни много дала писателю уральская поездка, полной, законченной картины еще не было. Короленко достаточно ясно представлял себе, как разворачивались события в области яицкого казачества, но этого было мало»⁴⁴. Известно, что после уральской поездки Короленко на протяжении нескольких лет продолжал собирать материал для своего романа.

Почти весь подготовленный материал касается событий, происшедших в яицком казачьем войске. Стремясь художественно

⁴⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 11, ед. хр. 618, л. 53.

⁴¹ Е. Балабанович. В. Г. Короленко, 1853—1921. М., 1947. с. 114; В. Г. Короленко. Записные книжки (1880—1900). Прим., с. 486; Н. Г. Евстратов. В. Г. Короленко в Уральске, с. 50.

⁴² Н. К. Пиксанов. В. Г. Короленко. Идеология—творчество.—В кн.: В. Г. Короленко. М., 1928, с. 98.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Н. Г. Евстратов. В. Г. Короленко в Уральске, с. 46.

воссоздать живой облик Пугачева, писатель возлагал большие надежды на казачьи предания, легенды и песни. Фольклорные сюжеты наталкивали его на создание определенных картин, фрагментов, ситуаций, а иногда даже целых глав. Так, например, в цикле «Предания и песни уральских казаков»⁴⁵ Железнова внимание Короленко привлекла легенда «Видение», согласно которой приход царя-избавителя неизбежен. Причем об этом было уже известно много-много десятков лет назад. Старец Алексей митрополит указывает казакам место, где строить город, и предсказывает: «Городу вашему придется испытать коловратности: будут и труси, и мятежи, и кровопролитные брани, и неурядицы. Станут вас нудить насчет креста и бороды, станут заводить солдатские очереди, богопротивные легионы и бесполезные штаты. А в едино время появится между вас такой набеглый царь... Вот из-за него-то вы много пострадаете, много крови прольете, много примете горечи»⁴⁶. Эта легенда явилась своеобразным ключом к пониманию загадочной для Короленко личности «набеглого царя», а также сложной обстановки в Яицком войске накануне Пугачевского восстания. Не случайно и название романа «Набеглый царь» взято именно из этой легенды. Приведя текст легенды, Короленко пишет: «Заглавие пожалуй: «Набеглый царь». В этом предании уже рисуются туманные черты «Набеглого царя», с котор[ым] связано горе и пролитие крови. И когда туман рассеялся—царя тоже не стало...»⁴⁷. Далее следуют наброски эпизода о появлении Пугачева на хуторе братьев Кожевниковых, куда он прибыл с Талового умета, после того как уже объявил себя царем. Во время «царского ночлега» на хуторе старый казак Роман Шаварновский караулит с «юношей Никитушкой» «царских» юнцев и «под тихий шелест степной травы рассказывает предание об Алексее митрополите и о набеглом царе»⁴⁸.

Для будущего романа Короленко черпал из преданий Железнова «колоритные описания» одежды «царя», его встреч с казаками, многочисленные доказательства истинности «царского» происхождения Пугачева. В устных повествованиях, записанных самим Короленко на Урале, также было много подобных мотивов. От казака Федора Соловьева Короленко записал предание о встрече Пугачева в Илецком городке с казаком Лазарычевым. «В Илеке подпилили мост. Переехав выше нынешнего моста, против Макина хутора въехал в улицу. Идет каз[ак] Лазарычев, быв[ший] в Петерб[урге] с зимов[ейской] и легкими станицами. Пугачев окликнул:

⁴⁵ «Предания и песни уральских казаков» были опубликованы Железновым в журнале «Русский вестник» (1859, кн. 7 и 8). В записной книжке Короленко сохранилась помета, касающаяся этого журнала: «Книжки 7-й у Черкесова не оказалось, начиная с 8 (2-я апрельская)», ф. 135, п. 41, ед. хр. 618, л. 14.

⁴⁶ В. Г. Короленко. Записные книжки (1880—1900), с. 365.

⁴⁷ Там же, с. 366.

⁴⁸ В. Г. Короленко. Записные книжки (1880—1900).

Здорово. Лазарычев!
Лазарычев! вытянулся.
Здр[авия] ж[елаю], В[аше] И[мператорское] В[еличество]!
Подарок мой цел?
— Цел, В[аше] В[еличество].
— Молод[ец]»⁴⁹.

Короленко подбирал материал из преданий Железнова, повествующих о женитьбе Пугачева. Один из разделов записной книжки так и назван: «К женитьбе Пугачева»⁵⁰. Как известно, сам факт женитьбы произвел неблагоприятное впечатление на сторонников Пугачева: по их мнению, император не мог жениться на простой казачке. Короленко обратил внимание на то, что в казачьих преданиях женитьба объясняется противоречиво. В одном предании говорится, что Пугачев сам убеждал своих сподвижников в необходимости женитьбы, в другом — совершенно обратное, в третьем — будто царица Екатерина провокационно старалась подтолкнуть его на такую женитьбу и тем самым скомпрометировать его царское происхождение. Зато все предания согласны в том, что именно с этой женитьбы пошли у Пугачева неудачи. Короленко конспективно намечает следующий мотив для романа: «Существует указание. Нужно разработать: самодержавие настоящее. Какому из царей помешали в таких случаях. Вероятно, был призван какой-ниб[удь] «книгочей». Приводил примеры: и Ивана Васильевича, и Петра Алексеевича»⁵¹. Здесь же Короленко, основываясь на предании, характеризует активного участника восстания Михаила Толкачева: «Роль Мишки Толкачева. Толкачевым приписывается роль вдохновителей в вопр[осах] брака: рассчитывали породниться. «Мишка Толкачев первый у него ходок по этой части» (имя указано верно: у Михаила Толкачова Пугачев был после хут[ора] Мясникова). Однако когда дело дошло до сродственницы (он сродни был Кузнецовым), так запел другое»⁵². Из другого предания Короленко выписывает следующие сведения: «Толкачевы большая семья: дома в городе, в Танинских хуторах (ныне Владимирский пос[е]лок) и в Бударине.

(Жел[езнов] III, 164)»⁵³.

В Уральском войсковом архиве, в так называемых «Бумагах по пугачевскому бунту», Короленко также нашел много материалов об участии братьев Толкачевых и других яицких казаков в Пугачевском восстании⁵⁴. В одном из документов указывается на то, что братья Толкачевы еще до прихода на Яик Пугачева уча-

⁴⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 12, ед. хр. 639.

⁵⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 11, ед. хр. 618, л. 56.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 9, ед. хр. 499, л. 5—6; п. 11, ед. хр. 618, л. 130—131; п. 12, ед. хр. 632, л. 1—17.

ствовали в волнениях яицких казаков: «В его доме были сборища перед уб[ийством] Траубенберга»⁵⁵. Он ответил в комиссии: хотя сборища в его доме и были, но сам он жил на хуторе, а в доме жили его дети: Степан, Михайла и Петр Толкачевы, но где они теперь находятся, он не знает⁵⁶. Записано по показаниям на допросе отставного казака Прокофия Толкачева.

Так как Уральский войсковой архив утерян, выписки из него, сохранившиеся в бумагах Короленко, имеют неоценимое значение. Это, в основном, копии с допросов участников восстания, в некоторых случаях изложенные писателем в беллетризованной форме. Подбор данного материала с подробным указанием фамилии, имени, возраста, степени «проступка» казаков свидетельствует о том, что многие из них мыслились писателем как персонажи будущего романа.

При чтении преданий Короленко внимательно отмечал особенно яркие по своей классовой заостренности эпизоды. Так, выписав несколько случаев казней Пугачевым своих противников, писатель приводит слова старого казака Ивана Михайловича Бакирова⁵⁷: «Да разве солд[атские] командиры под конец бунтовства меньше перевели народу. Пожалуй, еще больше. Он, к примеру, казнил и вешал тех, кто не верил в него, а солд[атские] командиры казнили и вешали тех, кто веровал...»⁵⁸. Писатель также сделал рисунок изощренного орудия казни восставших — глаголи. Под рисунком подпись писателя: «Глаголь по расск[азу] Ив[ана] Мих[айловича] Бакирова (Железн[ов])»⁵⁹. И. М. Бакиров следующим образом рассказывал об этом Железнову: «Это... был столб, а на конце его, в бок, рычаг приделан. И был столб этот с рычагом похож на слово (букву) глаголь, что в азбуке. По этому самому, он и назывался глаголем. На конец рычага кольцо было приделано, в кольцо веревка продета с железным багром. Кого надо, заденут за ребро багром, да и вздернут на воздуси, вертись, как хошь, а не сорвешься»⁶⁰.

Таким образом, опираясь на народные предания, записанные Железновым, Короленко подчеркивал факты жестокостей царских властей по отношению к восставшим и в то же время отвергал измышления официальных литераторов и историков о якобы исключительных жестокостях Пугачева. Короленко писал из Уральска Н. Ф. Анненскому 16 августа 1900 года: «Среди множества дел, которые я пробежал, а отчасти отметил, — почти сов-

⁵⁵ Траубенберг, генерал-майор, в декабре 1771 года прибыл из Оренбурга в Яицкий городок для следствия о казаках, отказавшихся выполнять очередную воинскую повинность, и произвел над ними жестокую расправу. Был убит восставшими казаками 13 января 1772 года.

⁵⁶ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 12, ед. хр. 632, л. 9.

⁵⁷ От И. М. Бакирова записывал предания о Пугачеве Железнов в 1858 году.

⁵⁸ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 11, ед. хр. 618, л. 59.

⁵⁹ Там же, л. 66.

⁶⁰ И. И. Железнов. Уральцы, с. 187—188.

сем не встречается преступлений пугачевцев, тогда как верные слуги Екатеринушки — были народ ой-ой вороватый»⁶¹.

Для воссоздания далекого прошлого Урала Короленко, наряду с преданиями и легендами, предполагал использовать в романе и уральские казачьи песни. Большая часть песен выписана им из сочинений Железнова. Среди них: старинная казачья песня «Яик ты наш, Яикушка», исторические песни «Харко» (о сподвижнике Степана Разина), «Не ясные-то соколики слетались» (о хивинском походе казаков), «Помутился, возмутился наш славный тихий Дон» (об Игнате Ивановиче Некрасове), «Утва» (о трагической схватке казаков с кочевниками на реке Утве), походные песни «Ночи темны, тучи грозны», «Уж конь ты наш серый, конь серо-пегий», удалая песня «Хороша наша станица, только улица грязна», плясовая «Казынька-казачок» и др. Песни чередуются с критическими замечаниями Короленко и с указаниями на его намерение разработать их в задуманных сценах романа. Так, в комментарии к песне «Яик ты наш, Яикушка» Короленко отмечает, что в ней выражена «вся любовь казака к своей реке». Он считает также необходимым указать и на такие подробности: «Ее поют на плавнях во время отдыха. В ней звучит старина»⁶².

Одну из глав романа Короленко предполагал назвать «Ночь песен». Ей предпослан эпиграф из Железнова: «В старину на Урале «более или менее все пело и плясало»⁶³. Особенно ощутимо эта песенная стихия чувствуется в следующем отрывке романа: «Чика выступает из Берды на Уфу. Впереди песенники и музыканты. Поют, бьют в тулумбасы. Чика (Захар Григ. Чернышов) — кудрявый, статный, красивый, в казачком чекмене и с лентой через плечо — чинно едет за музыкантами, но под звуки песни не выдерживает: ударив коня плетью, выскакивает вперед и, выхватив бубен, вертит над головой, бьет то костяшками кисти, то древком нагайки... Бубен пляшет и гремит, конь играет в такт песни... Песня закипает живее и громче... Бежит народ, женщины, скачут киргизы, светит солнце, вьется пыль; все сверкает и гремит, все полно жизни, удали, кипящего веселья. Шигаев и ... мотают головами: неладно... Чика — Чикой и остался... Гуляжка-гуляжкой. Старые казаки тоже хмурятся... Отряд и песня и пыль — все исчезает в степи»⁶⁴. После этих строк писатель привел начало плясовой казачьей песни, удивительно гармонирующей с нарисованной картиной.

Казынька-казачок,
Казак миленький дружок...
Не я тебя поила,

⁶¹ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 10, с. 300.

⁶² Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 11, ед. хр. 618, л. 3.

⁶³ Там же, л. 35.

⁶⁴ В. Г. Короленко. Записные книжки (1880—1900), с. 367—368.

Не я тебя кормила,
На ножки поставила
Танцевать заставила...⁶⁵

Песня выписана Короленко из очерка Железнова «Картины казачьей жизни». Собиратель записал ее во время отдыха рыбаков на севрюжем рыболовстве от молодого казака — «гуляжки», «артиста-балалаечника» Матьки Гутарева⁶⁶.

С песней «Помутился, возмутился наш славный тихий Дон» ассоциировались у писателя эпизоды романа, связанные с первым появлением Пугачева на Яике, когда он предполагал, по примеру Некрасова, вывести яицких казаков на Кубань.

Короленко стремился быть предельно точным при изображении картин жизни, быта, нравов XVIII века на Урале во времена Пугачевского восстания. С этой целью его интересовали этнографические работы Железнова, в которых большое место отведено воинской организации уральских казаков, описанию их одежды, пищи, игр и обычаев.

Так, Короленко, привлекло описание Железновым защитных укреплений от кочевников вдоль Урала, так называемых «реданок и третей». Выписав подробности об устройстве и назначении этих «грозных» крепостей, Короленко обратил особое внимание на то, что во времена Пугачевского движения «строгий порядок» кордонной службы и надзора за киргизами сильно нарушился, «реданки и трети были брошены и разъезды между ними прекратились, линия открылась и распахнулась»⁶⁷. Эти выписки непосредственно предваряют ряд сцен романа, изложенных писателем частью в записных книжках, частью в письмах. В одном из писем к жене Короленко набрасывает эскиз целой главы романа. «Одну главу, — пишет он, — дадут мне киргизы: русское правительство призвало их к нападению на «изменников», приставших к Пугачеву. Неожиданно явилась вся орда, даже из Хивы (был даже один предводитель из хивинских ханов), и залила все низовье Урала, прорвалась к Волге. Рапорты начальников на форпостах — это какие-то вопли утопающих, заливаемых волнами разбушевавшегося океана. Кончается это мрачной трагедией. Через степь примчались гонцы Пугачева, в том числе Мих. Толкачев, который ударил в этот хаос, как гром, и сумел дать ему некоторое направление: в Кулагинской крепости разыгралась трагедия: захватили старшин, офицеров, есаулов послушной стороны. Рапорты с форпостов прекратились, а еще через некоторое время Толкачев кинулся на Уральск»⁶⁸. Другой эпизод из предполага-

⁶⁵ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 11, ед. хр. 618, л. 51. Почему-то составителями «Записных книжек» (1935) песня не включена в опубликованный текст и не оговорена в комментариях.

⁶⁶ И. И. Железнов. Уральцы, с. 34.

⁶⁷ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 11, ед. хр. 618, л. 67.

⁶⁸ В. Г. Короленко. Избранные письма, т. 1. М., 1932, с. 188.

емой главы уже более конкретен: «В первую же ночь отст[авной] стар[ый] казак Шаварповский указывает на бродячих киргиз и говорит о неполадках на линии с негодованием... Времена плохие, мир рушится. Женский пол правит... Царь заведет настоящие порядки. Линия опять закрепится. Киргизы тоже в недоумении. При первом изв[е]стии о царе — киргизы действит[ельно] приостанавливаются с набегами, выжидают. Как будто ожидания от настоящего царя начинают сбываться. Под конец — опять беспорядок»⁶⁹.

Работа над романом «Набеглый царь», так увлекшая писателя, оборвалась на стадии замыслов и первоначальных набросков. В одном из писем к жене (21 августа 1900) Короленко написал об этом так: «Канва для моей будущей работы все расширяется. Мелочи и крупные факты действительных событий все более и более выясняются. Это, конечно, именно только канва, своего рода рамка, на которой придется вышить свой узор»⁷⁰. Без сомнения, роман «Набеглый царь», будь он написан, явился бы новым словом в русской литературе о Пугачеве.

Таким образом, фольклорно-этнографическое наследие Железнова позволило Короленко более глубоко и проникновенно изучить и отразить в своем творчестве Пугачевское восстание, а также особенности жизни, истории и быта уральского казачества.

Тем самым Короленко показал большую значимость творчества Железнова для русской литературы, фольклористики и этнографии.

⁶⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 135, п. 11, ед. хр. 618, л. 70.

⁷⁰ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 10, с. 303.